Социальная история

Ежегодник

2001/2002

Центр социальной истории
Института всеобщей истории РАН
Центр экономической истории
Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова
Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН

Социальная история

Ежегодник

2001/2002

Москва
РОССПЭН
2004

ББК 63.3-28
С 69

Издание ежегодника осуществлено при поддержке Международного института социальной истории (Амстердам)

Редакционная коллегия:
К.М.Андерсон, Л.И.Бородкин, А.К.Соколов (ответственные редакторы), И.Ю.Новиченко (ответственный секретарь), А.В.Полетаев, Н.Л.Пушкарева, Л.П.Репина, И.М.Савельева, М. ван дер Линден (иностранный соредактор)

С 69 **Социальная история**. Ежегодник, 2001/2002. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 624 с.

Настоящий сборник является четвертым выпуском ежегодника «Социальная история» (первый, второй и третий выпуски вышли в свет соответственно в 1998, 1999 и 2000 гг.) и содержит статьи российских авторов по различным проблемам социальной истории. Цель ежегодника — дать общее представление о новых идеях в развитии социальной истории, об опыте применения межцисциплионарных и сравнительных подходов в изучении конкретных проблем социальной истории России и других стран.

В данном издании рассматриваются теоретические проблемы истории как знания о социальном мире, методологические проблемы соотношения микро- и макроподходов в исторических исследованиях, пути изучения рабочей истории в зарубежной историографии, различные аспекты мотивации труда рабочих, малоизвестные стороны государственной заботы о детях и истории голода в советский период, новые методы анализа, применяемые в гендерной истории, проблемы структурирования диаспоры в рамках этносоциальной истории, социальные аспекты истории эмиграции, войны и преступности, источники личного происхождения в исследованиях по социальной истории, информационные ресурсы по социальной истории.

Сборник ориентирован на историков-исследователей, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется социальной историей.

© Авторский коллектив, 2004.
© «Российская политическая энциклопедия», 2004.

ISBN 5 — 8243 — 0470 — X

Содержание

Предисловие 3

История и теория

Савельева И.М., Полетаев А.В. История как знание о социальном мире 7

К вопросу о микро- и макроистории

Могильницкий Б.Г. «Тотальная история» Фернана Броделя как опыт слияния макро- и микроподходов в историческом исследовании 37

Рабочая история

Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. «Новая рабочая история» в зарубежной историографии 47

Тяжельникова В.С., Соколов А.К. Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период 69

Мухин М.Ю. Особенности стимулирования трудовой активности в советской промышленности на рубеже 1920—1930-х годов (на примере Электрозавода) 116

Ульянова С.Б. Массовые хозяйственно-политические кампании в системе стимулирования труда в 1920-е гг. (Кампания по поднятию производительности труда в ленинградской промышленности в 1924—1925 гг.) 142

Гендерная история

Пушкарева Н.Л. О методах анализа «мужских» и «женских» текстов (феминистская лингвистика и социальная история пола) 161

Леонтьева Т.Г. Женский фактор в жизни православного прихода (вторая половина XIX — начало XX в.) 193

Этносоциальная история

Попков В.А. Диаспора: Проблемы идентичности, структуры и организации сетей связей 213

Русская молодежь за границей

Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — начала XIX века: опыт социального анализа 257

Гутнов Д.А. Молодежь в Париже, 1900—1910 гг.: опыт социально-бытового подхода к истории русской эмиграции 294

Сальникова А.А. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917—1920 гг 324

Социальная история войны

Поршнева О.С. Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) 355
Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война. Психоисторическое исследование военного опыта 399
Голубев А.В. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны 426

История преступности

Айрапетов А.Г. Преступность в Будапеште и Вене в конце XIX — начале XX века: опыт компаративистского анализа 449

Советская социальная история 1920—1930-х годов

Орлов И.Б. Между «Царь-голодом» и «Товарищем Урожаем» (1921—1922 гг.) 467
Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.) 486

Источники личного происхождения в социальной истории

Безрогов В.Г. Автобиография и социальный опыт 529
Браун Е.Д. Мир джентри эпохи Войн Роз: социальное измерение 551

Информационные ресурсы

Н.Л. Кладезь фактов и источников по проблемам социальной истории (фонды Государственной общественно-политической библиотеки) 573
Пушкарева И.М. Новый комплекс источников о рабочем движении в дореволюцинной России: «Рабочее движение в России. 1895—1917 гг. Хроника» 584
Кесслер Х. «Российская рабочая история XX столетия: программа будущих исследований». Круглый стол, Институт всеобщей истории РАН, 2 октября 2001 г. 604

Summaries 611
Информация об авторах 619
Содержание 620
Contents 622

«Тотальная история» Фернана Броделя как опыт слияния макро- и микроподходов в историческом исследовании

Б.Г.Могильницкий

Впечатляющие успехи, достигнутые в последние десятилетия в изучении микроистории, закономерно ведут к вопросу, что же дальше? Как быть с макроподходом, составлявшим со времени Геродота генеральный вектор историописания? Действительно ли он несовместим с микроподходом или возможно и даже необходимо искать определенные формы их взаимодействия? И какими должны быть эти формы; является ли макроистория арифметической совокупностью рядоположенных микроисторий или приобретает новое качество?

Конечно между историческими макро- и микроисследованиями не существует непроходимой пропасти. Один и тот же автор может с успехом заниматься и тем, и другим. Констатация этого, однако, не снимает самою проблему, которая может быть обозначена как поиск оптимальных способов включения результатов микроисследований в труды, воссоздающие целостный образ истории в более или менее крупномасштабных пространственно-временных координатах.

Не секрет, что такого рода исследовательские труды (не учебники!) являются редкостью и в отечественной, и в мировой историографии. Но именно такие генерализирующие исследования во все времена определяли общий уровень развития исторической науки, меру ее социальной эффективности. Лежавшие в их основании концептуальные схемы выражали, а в значительной степени и формировали доминирующий в данном социуме образ истории, включающий представления о направленности исторического процесса, его движущих силах, месте человека в истории и т.п.

В таких исследованиях, однако, эмпирический материал играл хотя и важную, но в целом иллюстративную роль, поясняющую концептуальный замысел их авторов. Современная историографическая ситуация содержит потенциальную возможность преодоления этого недостатка. Стремительный рост микроисследований существенно раздвинул границы исторического познания, открыв путь для сближения макро- и микроподходов. Благодаря этому появилась уникальная возможность обогащения макроподхода за счет привлечения данных микроанализа.

На это можно возразить, что так было всегда. Действительно, все великие труды прошлого от «Истории Геродота» до «Постижения истории» Тойнби включали в себя яркие рассказы об индивидуальных событиях и

судьбах. Это — микроистории, вплетенные в общую ткань повествования и выполняющие в нем определенную функциональную роль, заключавшуюся в разъяснении авторской концепции. Доминировавшим же в таких повествованиях оставался макроподход, формировавший его исследовательское поле.

Сейчас речь идет о принципиально ином способе познания прошлого, который можно обозначить как синтез макро- и микроподходов. Он не просто увеличивает потенциал исторического исследования, а придает новое качество всему процессу осмысления прошлого, настаивая на необходимости органического единства в этом процессе макро- и микроанализа.

Строго говоря, не так уж и важно, как достигается это единство — в рамках одного исследования или путем использования результатов микроанализа в обобщающих трудах, претендующих на создание крупномасштабного образа истории. Но с тем, чтобы рельефно показать его механизм, предпочтительнее обратиться к таким исследованиям, которые соединяют в себе оба подхода. Это и побуждает без претензий на широкие обобщения универсального характера рассмотреть под таким углом зрения поучительный опыт Ф.Броделя.

Фернан Бродель вошел в историю исторической мысли XX в. как автор самого значительного в этом столетии опыта построения глобальной истории человечества, написанной языком длительной временной протяженности и основанной на стремлении изучать историю в ее целостности. Ибо, подчеркивал он, «единственно правдивая история — история всеобщая».

Средством достижения такой целостности, «всеобщности» предполагалось последовательное осуществление макроподхода в изучении истории как главного исследовательского принципа. Действительно, только так можно было проследить этапы становления современного европейского капитализма и выход его на мировую арену. «Эпопея короля Броделя» представляет собою выраженный тип макроисторического исследования и по своим целям, и по способу их реализации. Перед читателем этой эпопеи развертывается впечатляющая картина генезиса и трансформации современной капиталистической мир-системы в широчайшей исторической ретроспективе вплоть до размышлений автора о будущем капитализма.

Эта картина не может не поражать своей грандиозностью. Достаточно вспомнить названия составляющих книгу томов: «Структуры повседневности: возможное и невозможное» (т. 1), «Игры обмена» (т. 2), «Время мира» (т. 3). Трудно назвать проблематику более масштабную, составляющую единое исследовательское поле. Столь же масштабны географические рамки исследования. В книге присутствуют и африканская страна Абиссиния, и южноамериканская река Амазонка, и сибирский город Томск, и масса других, подчас самых неожиданных географических названий. И не просто присутствуют...

Тем самым вся картина получает выраженное полифоническое звучание, когда, например, сопоставляются города средневекового Запада и мусульманского мира. Тут же дается типология крупного столичного города (Неаполь, Санкт-Петербург, Пекин и Лондон). В сущности в такой сравнительной перспективе рассматривается всякий более или менее значительный сюжет, привлекающий внимание автора.

Так вырисовывается характерная черта макроисторического подхода Ф.Броделя. Это отнюдь не умозрительная исследовательская стратегия, привлекающая эмпирический материал для иллюстрации тех или иных априорных теоретических конструктов. Сами эти конструкты предстают в концепции французского ученого продуктом разностороннего анализа, обширного материала, отражающие разные уровни (этажи) исторической действительности, анализа, осуществляемого на базе многочисленных и многообразных исторических источников. Недаром все исследователи творчества Броделя в один голос восхищались его исторической эрудицией: по подсчетам В.М.Далина в «Материальной цивилизации...» насчитывается свыше 5700 ссылок на архивы и литературу.

При этом речь должна вестись не просто о добросовестности ученого, а об отличительной черте его исследовательского метода, которая заключается в тесном сочетании марко- и микроанализа. Можно даже говорить о слиянии макро- и микроподходов в его изучении истории. В его концепции они не только не противостоят, но и органически дополняют друг друга. Не будет, наверное, большим преувеличением сказать, что вся его историко-социологическая концепция «тотальной истории» основывается на тщательном микроанализе множества отдельных сюжетов, составляющих в своей совокупности эту историю. В этом смысле я и говорю о слиянии макро- и микроподходов в историческом исследовании Броделя.

Причем, по признанию самого ученого, первичным являлся микроподход. Во «введении» к своей книге он писал, что обращение к экономическим реальностям XV—XVIII вв. разочаровало его в классических схемах экономического развития и побудило к созданию собственной модели этого развития как развития многоуровневого. Модели, добавлю, опирающейся на прочный эмпирический базис.

Таков его анализ «пределов возможного» в докапиталистической мировой экономике, основанный на тщательном изучении составлявших ее фундамент структур повседневности. Достаточно вспомнить его детализированный анализ питания («хлеб богачей и каши бедняков»), одежды, жилища и пр. Ведь повседневность, — писал он, — это мелкие факты, едва заметные во времени и пространстве.

Далее я процитирую примечательный ход мыслей Броделя, раскрывающий его понимание соотношения между микро- и макроподходами в историческом исследовании. «Чем более сужаете вы поле наблюдения, — замечает он, — тем больше у вас шансов очутиться в окружении материальной жизни: круги большого радиуса обычно соответствуют “большой истории”, торговле на далекие расстояния, сети национальных или городских экономик. Когда же вы сужаете наблюдаемое время до малых промежутков, то получаете либо какое-то событие, либо какой-то факт. Событие должно быть уникально и полагать себя единственным; какой-либо факт повторяется и, повторяясь, обретает всеобщий характер, еще лучше, становится структурой. Он распространяется на всех уровнях общества, характеризует его образ существования и образ действий, бесконечно их увековечивая. Иной раз бывает достаточно нескольких забавных историй для того, чтобы разом высветить и показать образ жизни».

Прерву на время ход рассуждений ученого, чтобы напомнить одну из таких историй. Характеризуя чистоплотность, вернее ее отсутствие даже в высшем европейском обществе в начале XVIII в., Бродель приводит слова некоей знатной английской дамы, которая в ответ на замечание своего собеседника относительно сомнительной чистоты ее рук возмущенно воскликнула: «Чтобы он сказал, если бы увидел мои ноги!»

Такими забавными, нередко казусными историями переполнена книга Броделя. Но они попадают в поле зрения ученого не просто вследствие своего казусного характера, а потому, что позволяют увидеть за ними некоторые общие явления, составляющие предмет его исследования. Иначе говоря, исследовательский интерес Ф.Броделя привлекают такие единичные факты, которые позволяют генерализировать. «Из маленьких происшествий, из путевых заметок, — заключает он, — вырисовывается общество. И никогда не бывает безразлично, каким образом на разных его уровнях едят, одеваются, обставляют жилище. Эти «мимолетности» к тому же фиксируют от общества к обществу контрасты и несходства вовсе не поверхностные. Воссоздавать такие картинки — увлекательная игра, и я не считаю ее пустым занятием»[1].

То же относится к его характеристике деятельности бирж, ярмарок, банков (во втором томе) и т.п. Перед нами — выраженный тип микроисторического исследования, но не являющегося самоцелью, а вплетенного в общую ткань глобальной истории. Собственно, масштабность таких исследований и позволяет всему предприятию Ф.Броделя претендовать на ранг глобальной (тотальной) истории. Ведь сам этот ранг определяется не только лежащими в ее основании теоретическими конструкциями, раскрывающими ведущие тенденции и закономерности мирового исторического процесса, но и, в не меньшей мере, широчайшим охватом исторической эмпирии, проясняющей эти тенденции и закономерности, на чем, собственно, и строится книга Броделя

Глобальный, если можно так выразиться, характер осуществляемых в ней микроисследований, обусловливается также их природой. Как правило, это многофакторные исследования. Ф.Бродель справедливо считается одним из классиков современного междисциплинарного подхода к изучению истории. Ему принадлежат как теоретическое обоснование такого подхода, так и опыт применения его в собственной историографической практике. Точнее говоря, этот подход пронизывает все его исследования как в сфере теоретических обобщений, так и на уровне микроанализа.

Присмотримся, как это делается именно на микроуровне. Прежде всего впечатляет набор дисциплин, привлекаемых Броделем для исторического исследования. Это, как он пишет, вторгающиеся в открытое пространство истории многочисленные науки о человеке. Он перечисляет их: география, политэкономия, демография политология, антропология, этнология, социальная психология, социология, культурология[2].

---

[1] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 1. 1986. С. 39, 40.

[2] См.: Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. М., 1994. С. 7.

Естественно, в каждом отдельном случае в исследовании использовался не весь этот набор; все определял конкретный предмет исследования, в зависимости от которого привлекались данные тех или иных наук. Так, в первом томе, посвященном материальной цивилизации XV—XVIII вв., широко используются данные политэкономии, статистики, демографии, этнологии и других наук, позволяющие в своей совокупности охарактеризовать те структуры повседневности, которые составляли исходную точку исторического повествования Броделя. Подчеркну: исторического. Ибо, как бы широко ни привлекались данные этих наук, например, статистики или демографии, Бродель неизменно пребывает на почве истории. Включая в свое исследование иные измерения, он не только остается в пространстве истории, но и существенно расширяет его, не становясь экономистом, демографом или кем-либо еще.

Я акцентирую это казалось бы самоочевидное обстоятельство потому, что увлечение в настоящее время исследовательскими стратегиями, созданными, в частности, в социологии или психологии, нередко приводит к невольной смене профессиональной парадигмы. Происходит переосмысление самого предмета истории, ведущее к утрате изначально присущего историописанию его родового качества как рассказа о людях и событиях во времени.

Взамен предлагается, например, понимание истории как научного знания, относящегося к прошлой социальной действительности. Обосновывая такое определение истории, его авторы базируются на развитой известным американским социологом Т.Парсонсом модели человеческого действия как самоорганизующейся системы, включающей в себя взаимосвязанные культурные и иные подсистемы. Вслед за Парсонсом они в рамках системы общества выделяют три подсистемы: систему личности, собственно социальную систему и систему культуры, указывая при этом, что путь к пониманию истории как науки о прошлой социальной реальности занял больше двух тысяч лет[3].

Не вдаваясь в обсуждение концепции Т.Парсонса, которая, как известно, оказала большое влияние на развитие социологической мысли XX в., хотя и была воспринята неоднозначно, подчеркну только, что ее проекция на историческую науку снимает качественное различие между историей и социологией. Получается, что обе дисциплины имеют одно и то же исследовательское поле, только обрабатывают его в разных временных измерениях.

История, действительно, изучает прошлую социальную реальность, но не заключенную в парсоновские, марксовы или любые другие жесткие социологические схемы, а спонтанно развивающуюся в пространстве и времени и центрирующуюся вокруг человеческой деятельности. Поскольку человек живет в определенной общественной среде, является членом известной социальной группы, изучение стереотипов и мотивов его поведе-

---

[3] См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История как знание о социальной реальности // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. С. 7—9.

ния требует обращения к моделям, выработанным другими гуманитарными науками, в том числе и социологией. Собственно, в этом и состоит междисциплинарный подход в изучении истории, обогащающий историческое познание.

Посмотрим, как это делал Бродель, который в своей исследовательской практике всегда оставался историком. Его обращение к другим гуманитарным и общественным наукам имело единственной целью расширение пространства истории, являвшейся смысловым стержнем, вокруг которого концентрируются данные и методики других дисциплин. Именно она формулирует проблематику, ставит вопросы, решение которых требует обращения к методологической помощи смежных наук. Ибо всякое историческое явление, был убежден Бродель, представляет собою сложное многослойное образование, различные аспекты которого требуют для своего понимания использования разных исследовательских подходов.

Тем самым утверждался методологический плюрализм как ведущий принцип исторического познания. Именно им руководствовался Ф.Бродель, объясняя возникновение современного европейского капитализма. Как известно, это ключевая проблема всей его исторической концепции и тем более поучительно проследить подход ученого к ее решению.

Ф.Бродель категорически отвергает любое однозначное объяснение этого феномена, в частности, идеалистическое, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления, предлагавшееся В.Зомбартом и М.Вебером. «Тем не менее я вовсе не считаю, — продолжает он, — что в капитализме все материально, или все социально, или все есть общественное отношение. Вне сомнения, остается, на мой взгляд, одно: он не мог выйти из одного (сугубо) ограниченного источника. Свое слово сказала здесь экономика; свое слово — политика; свое слово — общество; свое слово сказали и культура, и цивилизация». А далее следует примечательное добавление: «а также, — заключает Бродель этот перечень, — и история, которая зачастую была последней инстанцией, определяющей соотношение сил»[4].

История как высшая инстанция, формирующая капитализм во взаимодействии, притяжении и отталкивания самых разных факторов: экономических, социальных, политических, духовных. Действие всех этих факторов с разной степенью обстоятельности прослеживаются в книге Броделя. Не будем следовать за автором в их освещении, но на одном моменте в его концепции возникновения современного европейского капитализма я хочу, хотя бы по необходимости вкратце, задержать внимание читателя.

Известна очень резкая и во многом несправедливая оценка научной деятельности Ф.Броделя, принадлежащая А.Я.Гуревичу, обвинявшему его в радикальной ревизии методологии основоположников школы «Анналов». Оценка роли человека в истории Броделем... настолько низкая, — писал он, — что в поле его зрения вполне логично ментальности не входят»[5]. Читателю «Материальной цивилизации...» трудно понять, что имел в виду Гу-

---

[4] Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. М., 1988. С. 400.

[5] Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 133—134.

ревич, когда обвинял Броделя в исключительно низкой оценке роли человека в истории: структуры повседневности, игры обмена, капиталистические иерархии — разве они не центрируются в изображении Броделя вокруг человека? Разве не в его повседневной деятельности вершится история?

Правда, в своей последней книге Ф.Бродель утверждал, что история в большой временной протяженности ограничивает свободу и ответственность людей, так как «не столько они творят историю, сколько история, и прежде всего она, творит их и тем самым оправдывает»[6]. Но в «Материальной цивилизации...» демонстрируется принципиально иной подход. Было бы заманчиво проследить в этой книге роль человеческого фактора в становлении и трансформации современного капитализма, но это, увы, далеко выходит за «пределы возможного» моей статьи. А вот ментальности...

Действительно, в книге ментальность не является ведущей исследовательской темой, да и трудно представить иное в виду тех задач, которые Бродель здесь решал. Но в тех случаях, когда это было необходимо для его концепции, обращение к истории ментальностей становилось важным звеном во всей цепи его аргументации. Так, например, обстояло дело при обсуждении вызывавшего повышенное внимание ученого вопроса — почему именно Западная Европа стала родиной современного капитализма.

Как известно, в этом остро дискутировавшемся в историко-экономической литературе вопросе Ф.Бродель занимал особую позицию, далекую от крайностей, воплощенных в подходах К.Маркса и М.Вебера. В отличие от своих великих предшественников он акцентировал не один, а несколько разноплановых факторов, обусловивших в своей совокупности феномен европейского капитализма. В их числе важная роль отводилась европейскому менталитету. Ибо, полагал Ф.Бродель, для развития современного европейского капитализма были необходимы не только определенный уровень экономического развития и государственной поддержки капиталистических иерархий, но и благоприятствующие ему умонастроения общества.

«Общество, — писал он, — обволакивает нас, пронизывает нас, ориентирует всю нашу жизнь своею рассеянной вездесущей реальностью, которую мы ощущаем едва ли не более, чем воздух, каким дышим»[7]. Эта вездесущая реальность, трудно определимая в строгих научных дефинициях, и породила благоприятствовавший развитию капитализма социальный климат. Во 2-й том вводится специальная (заключительная) глава «Общество или "Множество множеств"», где на обширном эмпирическом материале показывается, как европейский менталитет способствовал устойчивому развитию капитализма.

В заключение повторюсь: не ставя своей целью дать общую оценку «глобальной истории» Броделя, я хотел лишь привлечь внимание к ней как к одной из возможных моделей сочетания макро- и микроподходов в изучении истории. Это — модель, предлагающая наиболее радикальное решение проблемы, а именно слияние этих подходов в рамках одного истори-

---

[6] Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч. 2. М., 1997. С. 245.

[7] Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 460.

ческого исследования. Конечно, она не может претендовать на универсальную значимость, одинаково пригодную для всех исторических жанров. Но ее эффективность представляется несомненной в синтезирующих исторических исследованиях, основывающихся на междисциплинарном подходе. Современная историографическая ситуация взыскует такие исследования и я вижу цель своей статьи в привлечении внимания к исследовательской стратегии, уже доказавшей свою научную эффективность. Я имею ввиду слияние макро- и микроподходов в рамках метаисторического дискурса.